

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Хейстак Вилледж. Глава 3: Соколиная охота

Март, 1888 г.

Мужчина гнал лошадь через поле достаточно быстро, но так, чтобы она не выдохлась раньше времени. Солнце уже прошло половину своего пути по небосводу, а ему сегодня еще нужно было преодолеть немало миль. Задница уже задеревенела от длительного сидения в седле, но такую роскошь, как отдых, мужчина не мог себе позволить. У него была важная миссия, и если это потребуется, он будет скакать до тех пор, пока не начнет валиться со скакуна. А до этого он будет воплощением целеустремленности.

Ближайшее поселение осталось, наверное, в двадцати милях позади, поэтому не было ничего удивительного в том, что вокруг не было ни души. Или у животных есть души? Мужчина не был особо силен в Слове Божиим, но, в любом случае, зверье его, несомненно, окружало. Змеи, луговые собачки, койоты, немногочисленные бизоны — прерия полнилась жизнью. Небо бороздили различные птицы, выжидающие, когда какая-нибудь незадачливая жертва покинет свою нору.

Внимание мужчины почему-то привлекла одна конкретная птица. Она парила настолько медленно, что, казалось, висела на месте. Это был кто-то наподобие сокола (мужчина был далек от орнитологии так же, как и от Святого Писания). Расстояние было довольно большим, да и яркое небо сильно слепило, но ему казалось, что крылатый хищник имеет темно-серый окрас, размером, возможно, с ворону. В том, что птица рода соколиных парит в воздухе, не было ничего удивительного, ведь так они охотятся. Но стоило мужчине завидеть ее, он мгновенно потерял те остатки покоя, что еще оставались. Его переполнила безумная, иррациональная уверенность: за ним следят.

Мужчина пришпорил лошадь и сильнее пригнулся к ее шее, постоянно осматриваясь по сторонам. По-прежнему никого. Так он гнал минут пять, пока к нему не пришла другая, более рациональная уверенность: он идиот. Чуть не наложил в штаны при виде птицы, можете себе представить? Кому расскажешь, не пове...

БАХ!

Отдаленный звук винтовочного выстрела прервал его только начавшие веселеть размышления. Не успел он повторно испугаться, как его лошадь конвульсивно дернулась и грузно завалилась на правый бок. Правую ногу мужчины пронзила резкая боль перелома, от нее захватило дыхание, и он не мог даже закричать. В первые секунды он даже забыл об опасности и не пытался выбраться из-под уже бездыханного животного, в шее которого с левой стороны появилась маленькая аккуратная дырочка, как раз по размеру пули калибра 44—40.

Наконец, преодолевая боль и заставив мозг работать для спасения, мужчина начал пытаться вытащить ногу из-под трупа. Каждый рывок заставлял его тихонько подвывать. Но ничего не получалось — с равным успехом он мог попытаться забрать бутылку из цепких лап салунного пьяницы. Однако мужчина не сдавался, ибо, как он справедливо считал, от его усердия зависела его жизнь. Да, у него начало получаться! Ступня выскользнула из сапога, и нога понемногу начала поддаваться. Еще есть шанс!... Но ленивое и мелодичное позвякивание шпор, внезапно возникшее совсем рядом и ледяными иглами вонзившееся в его мозг, заставило его похолодеть от страха и замереть.

Мужчина не мог приподняться и выглянуть из-за лошади, чтобы узнать, с кем ему предстоит столкнуться. Не мог он также и вытащить револьвер, так как тот был намертво привален его собственным весом и весом животного. Ему оставалось просто лежать и ждать своей участи. Мысли о важной миссии уже и не появлялись в его голове, было не до них.

И вот, начиная от тульи черного «стетсона», в поле зрения начал вырастать незнакомый зложелатель. Шел он не спеша, вразвалочку, словно у него было все время этого мира. Его одежда представляла собой типичный наряд «ганфайтеров» — охотников за головами. Правая лапа пыльника была откинута назад, обнажая кобуру с револьвером. На правом плече покоился «Винчестер» модели 1873 года, из которого, видимо, и был подстрелен его скакун. В зубах была зажата дымящаяся и отвратительно пахнущая самокрутка. Вот только телосложение у него было какое-то невнушительное. Может быть, молодняк? И лицо какое-то смазливое... Да и рыжие длинные волосы как-то странно смотрелись...

Незнакомец обошел лошадь и стал над мужчиной, вглядываясь в его лицо. Он молчал, мужчина тоже потерял дар речи. Наконец незнакомец положил винтовку на мертвую лошадь и достал из кармана пачку бумаг, сложенную вчетверо, развернул их и начал просматривать одну за другой. Бумаги просвечивались, и лежащий мужчина смог понять, что это объявления о награде за поимку или устранение различных бандитов. Изредка незнакомец бросал короткие взгляды на его лицо, как бы сверяясь. А мужчина по-прежнему не мог и слова из себя выдать. Вместо этого он разок рыпнулся, пытаясь сделать хоть что-нибудь, но незнакомец грубо толкнул его в грудь сапогом и придавил к земле, даже не отрываясь от изучения бумаг.

Так прошло несколько минут. Когда мужчина уже собирался нарушить затянувшееся молчание и спросить, что, собственно, мать его, происходит, незнакомец нашел то, что искал. Убрав почти все листовки в карман, он наклонился и показал мужчине одну оставшуюся. С нее на беднягу смотрело его собственное лицо, не очень умело изображенное, но безошибочно угадываемое. Незнакомец обнажил в оскале мелкие ровные зубы и заговорил. И тогда у мужчины отпали последние сомнения, и он с тупым изумлением понял то, что бросалось в глаза с самого начала: перед ним был не незнакомец, а знакомка.

— Ну, здравствуй... — Тут она еще раз взглянула на листовку. — ... Мигель бла бла бла Дельгадо. Ты уж прости, у вас, мексиканцев, бывают имена — с утра начнешь читать, к вечеру закончишь. — Она вздохнула и убрала листовку в карман к остальным. — Ты-то мне и нужен, Мигель. Ничего личного. Просто бизнес.

Прежде, чем высокий каблук с резиновой набойкой с силой опустился на его лицо, и мир погрузился во тьму, мужчина понял еще одну вещь. Птица. Она пропала.

* * *

Апрель, 1889 г.

— Вот, босс, привел МакЭвой, как ты и просил, — речь человека была сильно искажена из-за глубокой отдышки, вызванной его полнотой.

— Хорошо, Кирк. Только вот я не «просил», а «распорядился». Подожди на улице, — ответил «Босс».

Мужчина, Кирк, кивнул. Выудив из кармана ключ, он расстегнул наручники, сковывающие его левую руку с правой рукой Джейн МакЭвой, которую он сюда отконвоировал.

Невозможность сковать обе ее руки была обусловлена тем, что одна из них, а именно левая, была сломана в предплечье и замурована в гипсовую повязку. Освободившись от своей доли

наручников, женщина потеряла запястье, скорее машинально, так как браслет просто не успел ничего конкретно натереть. Ее арестовали, когда она была в больнице, где работала медсестрой, и привели в офис шерифа, до которого было около пяти минут ходьбы. После поступившего предложения, больше похожего на приказ, садиться, Джейн устроилась в стуле напротив шерифа, а Кирк, все еще шумно дыша, удалился.

— Ну, здравствуй, Джейн. Опять, — начал «Босс», сложив бумаги в растрепанную папку и убрав ее в ящик стола.

— Здравствуйте, шериф Вилкокс, — хмуро буркнула та, не смотря в лицо собеседнику.

— Не желаешь сигарету? Нет? Чего-нибудь выпить? Есть скотч, мескаль, пулько...

— Спасибо. Просто воды, если можно.

— Конечно, можно. — Он наполнил кружку из глиняного кувшина и подал ее Джейн. — Вот, держи. Кирк не объяснил тебе причину задержания? Нет? Ну, если ты еще сама не догадалась, это по поводу вчерашней драки в «Виски и Розе». — Тут он, задумчиво глядя в пространство, беззвучно шевеля губами и загибая пальцы, что-то подсчитал и поделился результатом. — Четвертой в этом месяце, Джейн! Четвертой! И каждая из них, по словам очевидцев, в той или иной мере была начата из-за тебя. Я думал, что после того, как тебе руку табуреткой приложили две недели назад, ты хоть какое-то время не будешь лезть на рожон. Но нет! Ладно, я тебя слушаю. Что вчера произошло?

— Да что тут рассказывать? Сидела я, никого не трогала, выпивала. Тут появился этот Ваш шкаф, Винс Эрп, и начал обвинять меня во всех смертных грехах и намекать, что если я не свалю из города, хуже будет. Я старалась его игнорировать, но тут вмешался Том Торогуд и начал с ним спорить и защищать меня, как заправский адвокат. Они уже готовы были сцепиться, и я попыталась их утихомирить и предотвратить драку. Ну, как понимаете, у меня не получилось, — как на духу выложила Джейн, дотронулась до ссадины на лбу и поморщилась. — Но я не начинала потасовку, клянусь! — Так-так, занятно... Не совсем то, что я слышал от других. Но тут нет ничего странного. Нет, ничего. — Какое-то время Генри Вилкокс молча разглядывал женщину. Несмотря на то, что после вчерашнего она была немного «помята», она все равно ему нравилась. — Про тебя последнее время ходят не самые лестные слухи, Джейн. Горожане относятся к тебе весьма прохладно. Ты это знаешь?

Джейн знала. Не заметить, как на нее смотрят прохожие на улице, пациенты, которым она делает перевязки, и особенно завсегдатаи в салуне, было очень сложно. Эти взгляды буквально клеймили ее: «Чудило». Даже не так. «Белая ворона». В прошлом месяце, идя по городу, Джейн заметила двух дам, увлеченно беседующих возле лавки портного. С одной из них был маленький ребенок в коляске. И этот ребенок выронил из рук игрушку — зеленого цвета плюшевую коровку (коровы в Хейстак Вилледже вообще были на особом счету). Удивительно, но карапуз не заплакал и никак иначе не выдал своей утраты, и его мама, ничего не подозревая, продолжала болтать с подругой. Джейн подошла к малышу, присела рядом на корточки, подняла игрушку и, обтрусив, вернула владельцу. Малыш принял коровку и одарил женщину по-детски восхитительной улыбкой. К сожалению Джейн, она вообще не умела общаться с детьми, и вместо игривого сюсюканья просто улыбнулась в ответ. Тут вдруг дамы ее заметили, и в следующую секунду Джейн не очень вежливо попросили убраться. Этот случай отчетливо отложился в ее памяти.

— Да, не глупая, спасибо родителям. Но это несправедливо! Я виновата лишь в том, что не похожа одеждой и манерами на других женщин, — возмущалась она. И в самом деле, ее

мягкие округлости, выпирающие из сугубо мужских льняных брюк и фетровой рубашки с жилеткой, выглядели весьма броско и кричаще.

— Ага. А еще другие женщины не носят на боку револьвер, которому позавидует любой мужчина в этом городе. Даже я, пожалуй. Но это твое право, и я не могу тебе диктовать, как одеваться и как себя вести. Меня сейчас вот что волнует: что мы будем делать?

— В смысле? — наконец подняла взгляд на шерифа женщина.

— В прямом. Я не могу так просто отпустить тебя после вчерашнего инцидента. Это уже слишком серьезно. Сегодня к вам поступил пострадавший с ножевым ранением. Может быть, ты его не запомнила, когда колола, но он тебя запомнил хорошо...

— Это неправда! Я за нож даже не бралась!

— Это еще выяснить надо. Опросить всех очевидцев. Ну, а пока, Джейн, могу сказать, что у тебя намечаются крупные проблемы, — резюмировал Генри, закладывая руки за голову и потягиваясь.

Пронзительные синие глаза довольно долго изучали его, как будто старались заглянуть в самую душу, выведать все тайны. Наконец, вздохнув, их обладательница уломала себя.

— Кажется, я понимаю. Шериф Вилкоккс, мне хотелось бы решить эти проблемы в зародыше. Чего вы хотите?

— Ты знаешь, чего я хочу, — осклабилась он, а его взгляд заскользил от лица собеседницы вниз, по тем ее местам, которых он давно вождеделел.

— Снова здорово, — выдохнула Джейн, раздраженно закатывая глаза. — Мистер Вилкоккс... Шериф... Говорю в который раз: я не буду с Вами тра... кхм... спать. Я Вам не какая-нибудь кабацкая девка с прейскурантом цен на услуги. Ваше представление обо мне оказалось неверным. И вообще... Мне нравится один молодой человек...

Несмотря на явный отказ, шериф вдруг оживился.

— Ах, да, молодой человек... Как там поживают Хопкинсы? Редко их вижу. Неплохо? Кто же сомневался? Они смышленные ребята, отец и сын. А как дела у малышки Софи? Бедняжка, такая маленькая, а пережила такое несчастье. И как она только держится?

— К чему Вы клоните? — забеспокоилась Джейн.

— Да так, ни к чему. Просто было бы очень печально, если бы в стаде Уильяма обнаружили чужой скот, и они с сыном отправились за решетку или того хуже. Кто же тогда позаботится о девочке? Сиротский приют вряд ли сможет обеспечить ей должный уход...

— Вы чудовище! — брызжа слюной, зашипела вдруг женщина, вскочила со стула и перегнулась через стол. — Как Вы... тьфу... как ты можешь шантажировать меня здоровьем маленькой ни в чем не повинной девочки? Кто ты после этого?

— Тихо, тихо... Я всего лишь мужчина, замороженный твоей красотой. Представляешь, как женская красота порой одурманивает мужчинам головы? Я не монстр, мне не хотелось бы... э-э... «инвентаризировать» имущество Хопкинсов. Но ведь и я не многого прошу. — Тут его глаза загорелись новой идеей, и он придвинулся к Джейн. — А чтобы ты не чувствовала себя поруганной... Если все пройдет гладко, на этой симпатичной груди засияет маленькая медная звездочка.

— За секс ты мне предлагаешь должность своего помощника? И как на это назначение отреагируют остальные? — недоверчиво нахмурила брови она.

— Да мне плевать, пусть как хотят, так и реагируют. Ты заменишь Кирка. От этого жирдяя все равно пользы, как с козла молока. А ты человек перспективный. Или тебе по душе работа

медсестрой? — насмешливо прищурился Генри.

Кнут и пряник. Он применял этот метод к ней. И «сладость» пряника не шла ни в какое сравнение с кошмарностью кнута. Произошло то, чего Джейн всегда боялась: она привязалась к человеку, вернее, к нескольким, и автоматически стала уязвима. Как легко было жить, когда она ни о ком не заботилась, ни за кого не боялась. Но эти времена канули в Лету, и теперь, как бы ее это не бесило, ею легко можно было помыкать. Потому, что Софи Хопкинс прочно заняла свое место в сердце Джейн, а Бен Хопкинс — свое.

— Почему меня не могут просто оставить в покое? — наконец задала риторический вопрос она. Потом глазами, полными печали, посмотрела на потенциального начальника. — Будь ты проклят, Генри. Мне некуда деваться.

— Джейн, рыжик, я тебе обещаю, все будет в ажуре. Ты еще добавки попросишь, — кокетливо улыбнулся шериф и протянул руку. «Казанова хренов», подумала Джейн и пожалала ее так, что в комнате прозвучал хруст перекатываемых костей, и мужчина скривился.

* * *

В жизни Джейн наступили тяжелые времена. По определенным причинам она вынудила себя осесть в городе, и теперь чувствовала себя, как солдат, вернувшийся с войны и отчаянно пытающийся влиться в мирную жизнь. Впрочем, чем были эти годы, проведенные на пути мести, как не маленькой войной? К тщетности потуг адаптироваться в социуме примешивалось почти абсолютное неприятие Джейн другими горожанами, и из-за этого она находилась в почти перманентной депрессии. Единственной отдушиной была выпивка. Единственным светлым пятном были Хопкинсы.

Денег у Джейн было достаточно, благо деятелей, за которых с радостью отвалит сотню-другую баксов, на бескрайнем Диком Западе хватало с лихвой. Но жизнь рядового горожанина подразумевала какую-нибудь роль в обществе, какую-нибудь работу. Взвесив все варианты, она выбрала дело, в котором имела определенные познания: первая помощь и перевязка ран. «Подмазав» доктора Фила Браунинга, заведующего госпиталем, она с его помощью быстро научилась тому, чего еще не знала, и приступила к работе.

Мэри Мэлоун, низенькая пышнотелая женщина, зарабатывающая на жизнь стиркой, сдавала ей верхнюю комнату в своем двухэтажном доме в центре города, и за дополнительную плату не давала этой комнате превратиться в свинарник. Здесь Джейн отсыпалась после вкалывания в госпитале и посещений салуна. Регулярные драки, в которые ее вовлекали, стали теперь самым буйным проявлением ее дикого характера.

По ее собственному убеждению, Хейстак Вилледж убивал ее, в нем она медленно деградировала, увядала. Но она с какой-то мазохистской упертостью позволяла этому происходить, отдавшись течению. * * *

— О, да!... Еще!... Ааа!... Сильнее!... Ммм!... Да!... Ам!

— Ай! Полегче, крошка! Это мое ухо, и оно мне еще пригодится.

— Заткнись и не останавливайся!

Генри и не думал останавливаться. Вряд ли он смог бы это сейчас сделать, даже если б его грызнули за нос — похоть и желание сбросить груз из своих «шаров» были выше всех нужд и тревог. Он был как зажженный динамит, взрыв которого нельзя было уже предотвратить, а только бросить подальше. (Вариант с выдергиванием фитиля не рассматривается в виду весьма болезненных аналогий). Никогда он не оказывался в постели с настолько пылкой и страстной дамой, которая была куда более ненасытна, чем он сам. Начинаясь, как

обнимашки двух застенчивых юнцов, их секс, благодаря инициативе Джейн, быстро перерастал в грубое, незатейливое и первобытное действие. Она не хотела ждать, принимать аккуратные ласки и медленно таять от подступающего блаженства, она не могла терпеть. Ощущение тяжелого мужского тела, усердно работающего над ней, и горячего твердого органа, резво снующего в ее лоне, — вот то, что ей было нужно. Ее ноги охватывали ягодицы шерифа, словно он мог в любой момент вскочить и с улюлюканьем убежать, ногти больно впивались в его спину, но он либо не чувствовал, либо ему было наплевать. Вечно подгоняемый своей неутомимой любовницей, Генри достиг такой силы и скорости толчков, что спинка кровати отбивала на стене гулкую дробь. На его лице выступил пот и, стекая, капал вниз на женщину, столь распаленную, что капли, казалось, должны были мгновенно с шипением испаряться. Мужчина двигался уже на пределе своих возможностей и начинал задумываться: «Черт, она вообще когда-нибудь кончит?».

К счастью, ему сегодня не суждено было пасть обессиленным и покрыть себя позором. Джейн, наконец, получила то, к чему в безумной скачке стремилась последние... Да кто вообще мог сказать, сколько времени прошло? Шериф почувствовал, как его член восхитительно сжимают мышцы ее лона. Тело женщины стала бить мелкая дрожь, она еще сильнее прижалась к партнеру, уткнувшись в его широкую грудь острыми затвердевшими сосками. Ее сладостные, надрывные стоны и вскрики достигли новых высот и, вероятно, были слышны далеко за пределами его дома (благо, он находился в некотором отдалении от города). Собравшись с силами, шериф делал последние, завершающие рывки. И вот он, несильно отстав от любовницы, получил свою честно заработанную награду, бурно излившись во все еще пульсирующее влагалище. В тот момент ему казалось, что он никогда не чувствовал себя так хорошо, что никогда он больше не сможет испытать настолько замечательный оргазм. Впрочем, так оно и вышло...

Когда вершина наслаждения была достигнута, Генри чуть не привалил собой женщину, но изловчился и упал рядом с ней, тяжело и часто дыша. Оба были мокрыми и липкими от пота, не в последнюю очередь благодаря небывалой для апреля жаре. Постельное белье под ними взмокло, в ногах валялась скомканная простыня. Генри взял с тумбочки сигарету и закурил, так и лежа на кровати. То, что нужно после хорошего секса... Тут Джейн прижалась к нему, как кошка, шаловливо водя ножкой по его ноге и поглаживая ладошкой его грудь. Такого он, честно сказать, не ожидал от женщины, которая час назад, по всем признакам, его ненавидела. Неужели один славный трах так основательно изменил ее отношение? Пока он думал об этом, Джейн ловко отобрала у него сигарету и сама от души затянулась. «Вот плутовка!», подумал шериф и легонько, безобидно щелкнул ее по носу, вызвав у нее игривый смешок.

— Мне вот одно покоя не дает. Идея это была моя, уговаривал и соблазнял тебя я, а в итоге такое впечатление, что тряхнула меня ты.

— Так и есть, Генри. Так и есть, — улыбалась Джейн. Затем, сделав мечтательное лицо, поведала: — Так уж вышло... Это мой первый секс за все время пребывания в Хейстак Вилледж... Ну, и на ферме Хопкинсов.

Шериф напряг память, вспомнил, когда рыжая красавица объявилась, израненная, во владениях Уильяма Хопкинса, и присвистнул. Десять месяцев. Так долго жить без интимной близости с мужчинами, и так долго идти к оргазму. Ему еще повезло, что она его до смерти не затрахала.

— Неслабо. Это получается, я тебя в какой-то степени девственности лишил? — предположил Генри, и Джейн рассмеялась. Какой приятный у нее смех, куда приятней отборной ругани, которая куда чаще срывается с этих тонких губ. — Вот видишь! Я же говорил, все будет в ажуре. А ты еще не хотела, хотя без мужика уже, наверное, крыша начала ехать. Знаешь, что я тебе скажу, детка? Ты самая дикая кобылка из всех, что мне приходилось объезжать.

— О-о, я польщена! Великий и Могучий Генри признал меня самой дикой кобылкой! Я обязательно упомяну это событие в своей автобиографии. — Мужчина скривил губы в притворной обиде, и Джейн хихикнула и сочно чмокнула его в гладко выбритую щеку. — Ладно, я прикалываюсь. Ты тоже хорош. — Тут она немного посерьезнела. — Я все хочу спросить... Может быть, это не мое дело, но... У тебя ведь есть жена. Я ее видела, и она очень красива. Так зачем тебе все это? Зачем тебе я?

Шериф тоже посерьезнел, сел на кровати спиной к женщине и загасил остатки обратно отвоеванной сигареты.

— Честно говоря, мне не хотелось бы это обсуждать, но... — Он опять повернулся к любовнице. — Не будь такой наивной, Джейн. Понимаешь ли, брак — это ужасно скучная штука. Возможно, эти «долго и счастливо» и встречаются за пределами сказок, но это нечастое явление. Человек, которого ты, видя в свадебном наряде, мог еще любить больше жизни, с годами обычно превращается в, пардон, занозу в заднице. Между супругами редко когда сохраняется взаимопонимание. Вот, как результат, моя ненаглядная Тереза с дочкой уехали в Филадельфию к родителям, «погостить». Ты спрашиваешь, зачем мне ты? Может быть, ты этого не осознаешь, но каждый мужик в Хейстак Вилледже с рабочим шлангом в тайне пускает по тебе слюну. Ой, да вы посмотрите, наша злюка покраснела! Та-ак... Вот, держи. — Он подал ей только что наполненный бокал с темно-бордовой жидкостью.

— Что это за такое? Пахнет шоколадом. И вишней.

— Это итальянское сухое вино, называется — приготовься — «Брунелло ди Монтальчино». Да, так и называется, не смейся, а то прольешь. Подарок тещи с тестем. Они такие все из себя эстеты. Не то что мы с тобой, да? Ну, что же, выпьем за нас, за нашу маленькую шалость и... за твоё назначение, помощник шерифа Джейн МакЭвой.

Мелодично звякнули бокалы, и пара пригубила изысканный напиток. Джейн по привычке едва не выпила вино залпом, как привыкла пить низкопробный виски. Уже приготовилась к ощущению «пожара» во рту, но вместо этого почувствовала мягкую пряную сладость, ублажающую рецепторы. «Никогда не свыкнусь с мыслью, что алкоголь может быть вкусным». Вряд ли родители миссис Вилкокс могли представить, что их зятек будет угощать этим вином всяких «распутных девиц». А он, прикончив свой бокал, еще и полез целоваться. Что же, Джейн не была против. Она снова начинала распалаться. Уже с трудом верилось, что в эту постель ее затащили почти что насильно.

Перед глазами Джейн вдруг возникло добродушно улыбающееся лицо Бена. Ох, нет... Она так надеялась, что все обойдется без чувства вины и стыда. Но ее совесть имела другие планы и всячески указывала на низость ее поступка. Бен, милый Бен, всегда чуткий и отзывчивый, он столько для нее сделал, а она... Нет, «официально» они были друзьями, близкими друзьями. Но сказать, что их обоих безумно влекло друг к другу, значило не сказать ничего. Кому-то из них лишь оставалось сделать первый шаг. Так или иначе, игривое настроение у нее уже пропало, и она мягко отстранилась от шерифа.

— Что случилось? — удивился он.

— Я... Прости, я не могу... — промямлила женщина, не находя слов. Генри пристально посмотрел ей в глаза, и она отвела взгляд.

— А-а... Я, кажется, понял. Ты все о том же. Знаешь, это выглядит весьма странно после того, как ты пять минут назад с криками извивалась подо мной. Но, раз ты настаиваешь... — Следующие несколько секунд он молчал. Было видно, что он решается что-то сказать. — Раз уж мы вспомнили Хопкинсов... Пожалуй, я не смог бы сделать то, чем тебя пугал. Ну, их арестом, приютом и прочее. Сейчас думаю и понимаю, что даже если бы хотел, все равно духу бы не хватило. Видимо, не такой уж я и черствый... Эй, Джейн, ты меня слушаешь? Она напряженно слушала, но не шерифа, а что-то другое, что-то за пределами его восприятия.

— Лошади. Много лошадей. Скачут совсем рядом. — Она стала тереть виски, лоб прорезали глубокие морщины, но на лице отразилась досада. — Аргх! Не могу понять, сколько и как далеко. Но они приближаются.

— Джейн, успокойся. Все нормально. Тут ведь проходит дорога на Топику, по ней постоянно проезжают дилижансы и всадники. Да и вряд ли ты действительно их услышала, наверное, тебе показалось. — Генри ободряюще тронул ее плечо.

Джейн не стала спорить и доказывать возможности своего слуха, но слова шерифа ее немного успокоили. Да, он определенно прав. Ну, скачут лошади по дороге в город или из него, к чему это беспокойство? Всему виной стресс, он сильно глубоко въелся в ее мозг. Ей требовалось как-то расслабиться, отрешиться от тревог. И она знала, как это сделать. Поэтому в следующую минуту она уже оседлала шерифа и неторопливо впускала и выпускала из себя его член. Она словно играла на музыкальном инструменте, прислушивалась к своим ощущениям, плавно меняя то скорость движений, то глубину проникновения, полностью контролируя процесс. Она откровенно использовала Генри в свое удовольствие. Не сказать, что тот был сильно недоволен, лишь силился понять, что творится в голове у этой женщины, которая сначала отворачивается от поцелуев, а потом начинает бесцеремонно его трахать. Но ее непредсказуемость и алогичность действий лишь сильнее его возбуждали.

В какой-то момент раздался отчетливый стук во входную дверь. Этот звук мгновенно вернул Джейн с небес на землю. Сразу же вернулась недавняя тревога, да еще в многократно возросшем объеме. Те всадники... Они наконец-то доехали, и теперь стояли на пороге. И интуиция подсказывала, что это отнюдь не дружеский визит. Резво соскочив с шерифа, она схватила смятую простыню и обмоталась ею, прикрыв наготу. Затем ее взгляд упал на стул в другом конце комнаты, где была свалена их одежда, и где находился ее «Сапсан». Она должна его взять, ей казалось, что она задыхается от незащитности. Но когда она начала вставать, рука Генри настойчиво удержала ее на месте.

— Ради всего святого, Джейн, перестань паниковать! — его голос был пропитан раздражением и досадой, как у человека, которого разбудили, когда ему снился неприятнейший сон. Его стоячий, неудовлетворенный член был полностью солидарен с хозяином. — Ну почему?! Почему, когда я наконец-то затащил в постель самую... интересную женщину в городе, какому-то сукиному сыну приспичило прийти поздороваться? Где я так нагрешил? — Он картинно вздохнул, сделал добрый глоток «Брунелло ди Монтальчино» прям с горла, наплевав на его изысканность, и принялся вставать. — Если это какая-то ерунда, порву нахрен!

— Генри! Может, не будешь открывать? У меня плохое предчувствие, — взволнованно предложила Джейн, наблюдая, как мужчина поднимает с пола и одевает подштанники.

— Ты не поверишь, но я с радостью бы так и поступил. Но, увы... Я шериф, а это накладывает на меня некоторые обязательства. По крайней мере, пойти узнать, кто там пришел, мне придется. Не переживай, я постараюсь быстренько отшить гостя и вернусь к тебе.

Стоит отдать ему должное, револьвер он все же решил прихватить. Вот только до него не дошел.

От одежды его отделяла пара шагов, когда оба окна на противоположных стенках разлетелись вдребезги, и в комнату с ловкостью, достойной цирковых акробатов, залетели два человека и с кувырками приземлились на пол. Это было так неожиданно, что растерявшийся Генри вместо того, чтобы взять таки оружие, набросился на ближайшего к нему вторженца. Джейн же, мысленно обозвав его идиотом, вскочила на кровати и собиралась в пару изящных прыжков добраться до «Сапсана». Но импровизированная туника сослужила ей медвежью услугу — она малость сковала движения женщины, и та с полуметровой высоты ложа отправилась в непродолжительный полет вниз. Джейн больно ушиблась, но хотя бы под ней не оказалось осколков стекла, которыми был щедро усыпан пол. «Черт, как стыдно-то...», думала она, путаясь в злополучной простыне и силясь встать.

Тут-то ей и поспешили помочь в этом начинании. Грубая лапища цепко вцепилась ей в волосы и рывком поставила на колени. Приятного было мало, и Джейн хотелось сказать незнакомцу много («полегче, членосос вонючий!») вежливых слов упрека, но она лишь зашипела от боли, одной рукой по-дурацки придерживая белье, а второй безуспешно пытается бороться с лапой хватчика. Раздавшийся сверху голос привел ее в чувство.

— А ну, быстро отпустил его и отошел, а не то я твоей бабе сделаю новую дырку в башке! — И в подтверждение серьезности намерений Джейн ощутила на виске холодное прикосновение стали и щелчок взводимого курка.

Только тогда она заметила, что ее недавний любовник преуспел в борьбе и, сидя на противнике, душил его. Тот уже покраснел, как помидор, и сопротивлялся очень вяло. Еще бы несколько секунд, и для него все кончилось бы весьма плачевно, поэтому вмешательство напарника пришлось как нельзя кстати. Шериф удивленно посмотрел на застывшую Джейн и удерживающего ее мужчину, словно впервые их увидел, осознал свое поражение и неохотно слез с неприятеля. В глазах была полнейшая растерянность. Вполне закономерно, что горе-акробат, встав и восстановив дыхание, не остался в долгу и нанес шерифу парочку весомых ударов. Так битва, что продолжалась не более десяти секунд, завершилась в пользу незваных гостей.

— Ной, ты как, нормально? — участливо спросил тот, что держал Джейн, напарника. Ответом был утвердительный кивок. — Проворный сукин сын, а? Ладно, иди,пусти остальных. Я этих покараю.

«Остальных?! Ох, мать моя женщина!», испуганно подумала полуголая красавица, но тут же мелькнула другая, безумная мысль: «Будет весело!».

* * *

«Хм-м... Семь. Великолепная семерка. Ну, что же, бывало и больше. С другой стороны, семь — счастливое число. Вопрос только, кому повезет».

Такими были размышления Джейн минуту спустя, когда она увидела захватившую ее с шерифом банду во всей красе и численности. Бандиты (в том, что вторженцы были именно ими, сомнений не возникало) поставили пару на колени посреди комнаты и заставили держать руки за головами. Джейн, словно это была ее наихудшая проблема, постоянно

переживала, что простыня распахнется, и семь пар незнакомых мужских глаз узрят ее в первозданной красе. А проблем с «этим делом» ни у кого из них не было, судя по тому, с каким интересом они ее разглядывали. Она тоже рассматривала их, но не со страхом, как им казалось, а изучая, отмечая каждую мелочь и особенности поведения.

Те двое, что снабдили спальню жарким сквознячком, были самыми худосочными, видимо, поэтому именно им пришлось выполнять этот небезопасный трюк. Остальным четверым это просто было бы не под силу, потому что каждый был если и не «шкафом», то коренастым крепышом точно. В салуне на таких вряд ли кто-нибудь захотел бы нарваться. Все, как водится, при оружии, демонстративно выставленном на показ (Джейн с гордостью отметила, что их шестизарядники, по сравнению с «Сапсаном», — куски бизоньего дерьма). Объединяли их заросшие щетиной и обветренные лица, запыленные одежда и обувь и общая потрепанность.

На этом фоне очень необычно смотрелся их предводитель, сидящий на стуле перед поникшими пленниками. Из-под изящного черного котелка выбивались черные же взлохмаченные волосы. Одежду его составлял черный парадный костюм — брюки, жилетка, пиджак, дорогие сапоги с тисненым витиеватым узором и серебряными шпорами. Но самым удивительным было его лицо с серыми глазами — его выражение вообще не менялось, застыв в маске холодной вежливости. «Не хватает только сраного монокля и часов на цепочке... Ах, нет, вон они!», думала Джейн, невольно напрягаясь под взглядом этого «денди». — Вы совершаете чудовищную ошибку. Я Генри Вилкоккс, шериф Хейстак Вилледжа, — наконец-то выпалил хозяин дома, сделав над собой усилие. Неплохо для начала.

— В самом деле? — Голос ватажка был просто до безобразия бесцветен. Только что брови чуть приподнялись. — Ну, это просто замечательно, а то я уже начал сомневаться, не ошибся ли я домом. Стало быть, теперь и я должен представиться. Мое имя — Малкольм Фурнье. Полагаю, Вы слышали обо мне?

«Хм-м... Я точно не слышала. Что это за хрен с горы?», подумала Джейн и посмотрела на Генри. По его побледневшему лицу ей стало ясно, что он-то про этого интеллигента слышал. Вообще странно, как Джейн при своем прошлом ремесле упустила этого деятеля из виду. Ибо Малкольм Фурнье вместе с младшим братом Ангусом и бандой сделал себе громкое и мрачное имя. Конфедерат до мозга костей, он остался верен идее даже после поражения Юга, в рядах армии которого они с братом воевали еще юнцами. И жертвами его чудовищных и вопиющих преступлений становились ненавистные северные штаты. Про него говорили: «убийственно вежливый и вежливо убийственный». Костюм с иголки и манерность стали его визитной карточкой — Малкольм вырос в обеспеченной и благородной семье. Жаль, что на его поступки воспитание никак не влияло. В общем, личностью он был выдающейся, и любой законник на Диком Западе имел его в виду. Поэтому-то у Генри Вилкоккса сейчас едва не тряслись поджилки, и Джейн его было никак не понять. Но недаром же говорят: счастье в неведении.

— Ч-что вам от меня надо? Деньги? Я отдам все...

— Тсс... Мы не за деньгами пришли. Нам нужны именно Вы, а точнее, имеющаяся у Вас информация. — Шериф нервно сглотнул, глаза выражали непонимание. — Мне известно, что Вы водите дружбу с одним hombre, Хоакином Мендосой, широко известным в узких кругах как Верзила. И я крайне заинтересован во встрече с ним. Поэтому я спрошу по-хорошему всего один раз: где мне его найти?

«Так это не ограбление? Это допрос? Вот так неожиданность. И кого это, интересно, Генри просят сдать?».

— Я... Я не знаю... Он никогда не говорил об этом... — залепетал шериф, пытаясь выглядеть и звучать как можно более убедительно.

Бандиты насмешливо захмыкали и переглянулись, словно услышали что-то, что уже стало доброй традицией. У Малкольма ни один мускул на лице не шевельнулся. «Он мог бы стать отличным игроком в покер».

— Жаль, очень жаль... О, я смотрю, у Вас тут есть вино. — Тут он посмотрел прямо на Джейн, и она напряглась. — Миссис Вилкокс, будьте так добры, налейте мне бокальчик. Я питаю слабость к этому напитку.

Джейн сперва опешила, посмотрела на Генри и по его лицу поняла, что он разделяет ее чувства. Ее назвали «миссис Вилкокс», ее приняли за его жену! Она уже хотела развеять заблуждение бандитов, но задумалась. С одной стороны, дорогой для допрашиваемого человек может стать рычагом давления, что не есть хорошо. Но с другой стороны, участь совершенно посторонней женщины, если бы таковая здесь оказалась, могла выдаться куда более незавидной. Так что, взвесив все «за» и «против», она решила «побыть» женой шерифа. Генри, похоже, придерживался того же мнения.

Радуюсь, что встает с колен, Джейн поднялась и пошла к бутылке. Ее движения были медлительными и аккуратными, частично из-за простыни, частично из-за битого стекла, частично потому, что иногда излишне резкие движения не доводят до добра, если имеешь дело с работниками ножа и топора. Она буквально чувствовала на себе липкие раздевающие взгляды. Уверенность, что по пути ее избавят от единственного элемента гардероба, не покидала ее ни на секунду. Но ее и пальцем не тронули, не проронили ни одного вгоняющего в краску комментария. И это ее немного успокоило. Наполнив бокал, Джейн так же осторожно вернулась к Малкольму, чувствуя себя официанткой вроде Розы Грейс. Мужчина принял из ее рук напиток, опять-таки, безо всякого выражения.

— Благодарю Вас, миссис Вилкокс. Садитесь здесь. — Он показал на место слева от него. Джейн опять занервничала, но ей ничего не оставалось делать, кроме как послушаться, и она снова опустилась на колени. — Замечательно. Теперь кладите голову мне на колено. — Это было еще более странно, но женщина опять подчинилась, успев по лицам бандитов заметить, что такие приказы их лидера их ни капли не удивляют. — Ммм... Вкус винограда санджовезе... Полагаю, это «Брунелло ди Монтальчино»? А Вы разбираетесь в винах, шериф. Следующую пару минут головорез пил напиток со всей неторопливостью, на которую был способен, как это заведено у сраных гурманов и интеллигентов. Но Джейн заботило другое — одновременно с поглощением алкоголя мужчина гладил ее по волосам, довольно таки ласково. Не нужно было обладать особо развитым воображением, чтобы в голову пришла очевидная аналогия. Это было похоже на то, как преданный пес кладет морду на ногу сидящему в кресле хозяину (особо преданный еще и слюну пустит), а тот чухает голову питомцу и другу. Джейн все это четко себе представляла, и ей это, черт возьми, не нравилось. Минули лихие дни юности, когда она могла испытать сексуальное удовольствие от унижения. Но что она могла сделать? По крайней мере, ее не мучают. Ей оставалось лишь терпеть. И ждать.

Когда вино было допито, Малкольм отдал пустой бокал одному из своих людей. Джейн чувствовала: сейчас начнется новый этап их милой беседы. И она не ошиблась — человек в

костюме был полон сюрпризов.

— Фрэнк, — позвал он. Подошел один из головорезов. — Дай мне свой револьвер.

Зачем ему чужой револьвер? Ведь у него есть свой. И что он собирается им делать?

Приставить к ее голове? В любом случае, приятного мало. А этот говнюк Генри молчит, хотя Джейн, как и бандитам, казалось, что он соврал.

— Миссис Вилкокс, смотрите сюда. Теперь откройте рот. Ну же, не заставляйте меня помочь Вам это сделать. Вот та-ак...

И с этими словами в рот Джейн вошло дуло старого ушатанного револьвера (женщина не помнила, чтобы когда-нибудь пробовала пороховой нагар на вкус). А затем, заставив ее задрожать категорически противопоказанной сейчас мелкой дрожью, трескуче щелкнул курок. Джейн с удивлением и отвращением понимала, что тихонько, плаксиво мычит, сердце норовило пробить грудную клетку, а дыхание было, как у столетней старушки, пытающейся задуть свечи в торте. Это был далеко не первый раз, когда на нее наставляют оружие, но сейчас она по-настоящему боялась. Взгляд округлившихся глаз был прикован к пальцу, лежащему на спуске, — ниточке, что отделяла ее от мгновенной смерти. А тут еще мучитель подлил масла в огонь.

— Ты так и не починил ударно-спусковой механизм, Фрэнк? Как можно быть таким беспечным? Разве тех произвольных выстрелов было мало? — Женщина откровенно застонала, но не шевелилась, словно окаменела. — На чем мы там закончили, шериф? Ах, да, на сеньоре Мендосе. Позвольте, я Вам кое-что поясню. Некоторое время назад Хоакин Мендоса согласился помочь мне в спасении моего брата Ангуса. Опущу детали той ситуации, но он послал своего доверенного человека с важной посылкой. Или, по крайней мере, сказал мне, что пошлет. Так или иначе, ни его человека, ни посылки в нужное время в нужном месте не появилось. И теперь мой брат сидит в тюрьме... Не знаю, почему, но мне врезалось в память имя того человека: Мигель Дельгадо.

Произнесенное имя возопило в мозгу Джейн, словно от движения смычка по струнам. Почему оно казалось ей знакомым? Мигель Дельгадо... Мигель («бла бла бла») Дельгадо... («Ничего личного. Просто бизнес»). И она вспомнила. Она — косвенная причина появления здесь этих головорезов. У нее едва не вырвался истерический смешок.

— Так вот, шериф, сеньор Мендоса подвел меня и моего брата. И он должен за это поплатиться. И я, так или иначе, узнаю от Вас, где мне его найти. Погодите-ка, Ваша супруга, кажется, хочет Вам что-то сказать. Говорите, миссис Вилкокс, не стесняйтесь. — И он дал свободу ее рту. — Уб... (людок, мать твою, немедленно выложил все, что они хотят знать, или я твое лицо обглодаю!)... бедительно прошу, Генри, дорогой, скажи им то, что они хотят! Я бою-у-у... — Видимо, ее лимит слов был достигнут, потому что дуло вновь вернулось в уже обжитое место. Малкольм выразительно кивнул, давая понять, что теперь шериф может говорить.

— Послушайте, я правда не знаю. Мы с Верзилой были не в настолько хороших отношениях. Я просто позволял ему оставаться в городе, а он мне за это денег давал. Немного. Мы не были друзьями, даже почти не общались. Прошу, поверьте... — затараторил Генри, его взгляд метался от лица Малкольма на лица его пособников и, наконец, на Джейн. Главарь лишь томно вздохнул. — Умоляю Вас! Ну, сами подумайте: какие бы отношения между нами ни были, я ведь законник. Он бы ни за что не доверил мне такую информацию! Понимаете?

— Хм-м... Знаешь, Мал, в этом есть толк. Пожалуй, это было бы слишком глупо даже для

этого мексикашки, — подал голос широкоплечий бородач, стоящий справа от Френка. Генри тотчас воззрился на него с благодарностью.

Малкольм ничего не ответил. Его молчание пугало куда сильнее его слов. Тут Джейн, мысленно проклиная шерифа на чем свет стоит, поняла, что бандита его слова не убедили. Ведь нельзя никак иначе воспринять то, что дуло револьвера, находящееся у нее во рту, вдруг неторопливо заскользило глубже. Ее глаза округлились от ужаса. Мушка начала царапать горло, но женщина боялась даже сделать лишний вдох, не то что закашляться. Она инстинктивно попыталась отстраниться, но Малкольм удерживал ее голову другой рукой, а открыто бороться было опасно. Сквозь пелену паники, затмившую ее разум, до ее слуха доносились мольбы Генри, просьбы «не делать этого». А Малкольм, похоже, даже не думал останавливаться.

Кто знает, возможно, это продолжалось бы до тех пор, пока дуло не вошло бы полностью, а возможно, курок не выдержал бы раньше. Так или иначе, в эту ситуацию вмешалась третья сила.

— Генри! Генри, ты дома? У тебя гости? Где ты? — донесся внезапно, как гром среди ясного неба, с другого конца дома приятный женский голос. И шериф, которого искала обладательница этого голоса, побелел так, словно из него мгновенно выпустили всю кровь.

Появление нового действующего лица заинтересовало Малкольма. Он прекратил свою пытку и отдал оружие владельцу. Взгляды всех присутствующих были направлены на закрытую дверь, за которой слышались шаги. Одна лишь Джейн безучастно отходила от шока на колени мучителя. Ее переполняло отвратительное чувство жалости к самой себе, и она ненавидела себя за это. Да, ненависть. К себе, к Генри, к незванным ублюдкам. Ненависть порождала холодную ярость — давно зарекомендовавший себя способ аккумуляции сил и энергии. Наверное, если бы сейчас с нее сорвали простынь, она бы этого и не заметила. Руки сжимались в кулаки так, что ногти до крови впивались в кожу. Зубы были сжаты сильнее, чем знаменитые Магдебургские полушария. А глаза... Пожалуй, можно сказать, что с ними творилось что-то странное.

Тем временем Малкольму, видимо, надоело ждать, и он решил помочь «гостю» и обозначил себя, громко топнув ногой. От этого звука все, кроме Джейн, вздрогнули, но своей цели он достиг: шаги за дверью уверенно стали приближаться к спальне. Шериф был до невозможности напряжен, он напоминал сжатую пружину. Не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы понять: он знает человека за дверью, и он не рад его появлению.

Дверь открылась. В комнату стала входить эффектная статная женщина в дорогом, но неброском платье и шляпке. Она не видела присутствующих, потому что смотрела назад, отвлеченная кем-то, кого она держала за руку. Этим кем-то оказалась кудрявая девочка лет тринадцати, тоже одетая в платьице, но куда более вычурное, чем у женщины. Кажется, они тихо о чем-то переговаривались. Речь смолкла, когда в глазах девочки отразился вполне закономерный испуг. Женщина его заметила и обернулась. Выражение ее лица, как реакция на открывшееся зрелище, не поддавалось описанию словами, что само собой разумеется. Она переводила взгляд от одного вооруженного мужчины к другому, к не подающей признаков жизни Джейн, и, наконец, к подавленному шерифу. Возможно, это было невольное, рефлекторное движение, а, возможно, попытка к бегству, но она сделала медленный шаг назад. Но уже в следующую секунду дверь захлопнулась, и ее загородил один из амбалов. Пути назад не было. Тогда женщина притянула к себе девочку и крепко прижала к телу,

намереваясь защитить от окружающей их опасности.

— В-вы кто такие?! — наконец-то подрагивающим голосом выпалила она.

— Мы? Мы гости шерифа. Решаем важный вопрос, — невозмутимо ответил Малкольм, словно это было и без того очевидно. Затем подался вперед на стуле со встречным вопросом.

— А теперь, будьте так любезны, представьтесь сами. Я рассчитываю на Вашу искренность.

Как и оба пленника ранее, женщина явно была сбита с толку вежливой речью человека в костюме, ведь его компания определенно не казалась дружелюбной. А заводить такие знакомства — вообще занятие сомнительное. Впрочем, она понимала, что это была отнюдь не просьба. Когда она заговорила, ее голос был уже куда более тверд и уверен, чем прежде.

— Я — Тереза Вилкоккс, племянница мэра Джонсона, супруга шерифа Генри Вилкоккса и хозяйка этого дома.

Вот и познакомились.

В комнате повисло молчание. Всех слишком поразило возникновение «миссис Вилкоккс #2». Но реакция шерифа ни у кого не оставляла сомнений в том, кто из них — настоящая: он испустил короткий, сокрушенный стон и сгорбился, спрятав лицо в ладонях. Бандиты с интересом изучали супругу шерифа, сравнивая ее с более молодой «предыдущей версией»: утонченная аристократическая красота одной против дикой и непосредственной красоты другой. Женщина же, в свою очередь, словно перестала их замечать, она крепко прижимала к часто вздымающейся груди испуганного ребенка и сверлила надменным взглядом лицо странного мужчины. Но его лицо по-прежнему ничего не выражало. Из-за этого казалось, что он выпал из реальности, уснул с открытыми глазами. Но тут вдруг он с какой-то пугающей, механической медлительностью склонил голову и уставился на позабытую всеми голую женщину, чья голова до сих пор покоилась на его бедре. И тогда все в комнате поняли, что привлекло внимание бандита: из-под слипшихся волос, скрывающих лицо, доносилось тихое, но отчетливое хихиканье.

В немом изумлении все присутствующие уставились на Джейн. Крайне странное поведение для текущей ситуации. Тем не менее, смех постепенно набирал громкость, плечи и спина начинали лихорадочно подрагивать, а после и дрожать. Она не видела чужих лиц, но знала, что они бледны, как и ее простынь, уже давно соскользнувшая и не прикрывающая грудь. Послышался писк девочки, отдаленно похожий на слово «мама!». Джейн не смутило даже то, что Малкольм за волосы запрокинул ее голову, установив прямой зрительный контакт. Она смотрела в его непроницаемое лицо и заливалась смехом. Его безжизненные серые глаза против ее синих, искрящих безумным блеском. Эдакая психологическая дуэль.

Но у Малкольма не было ни шанса. Он отвел взгляд и сильно толкнул голову Джейн. Она и не пыталась удержать равновесие, и поэтому шумно завалилась на спину, не переставая смеяться. Голова запрокинулась назад, и тогда Джейн встретила взглядом с женой шерифа, находящейся в шоковом состоянии.

— Добрый день, миссис Вилкоккс! С возвращением! — задорным голосом протянула Джейн, а затем снова захохотала, как если бы рассказала шутку столетия.

— Барри, — услышала она сквозь смех голос Малкольма. — Своди даму на небольшую конную прогулку. И сделай так, чтобы я больше никогда ее не увидел.

Кажется, Генри запротестовал, но ему посоветовали заткнуться. Разумеется, обсуждать приказ никто из банды и не думал. Все были только рады избавиться от этой странной дурехи, от смеха которой внутренности сжимались в комок. Поэтому уже через минуту Барри

и Джейн, на которую натянули просторную ночную рубашку, найденную в шкафу, и ее собственные сапоги, покинули комнату. Но было кое-что, укрывшееся от всеобщего внимания: проходя мимо миссис Вилкоккс, Джейн подняла на нее вполне осмысленный взгляд и быстро подмигнула.

* * *

— Теперь, когда самозванка удалась, мы можем... — начал было Малкольм минутой позже.
— Что значит «самозванка»?! Что здесь вообще происходит?! Я требую объяснений! — вдруг сорвалась на крик женщина.

— Тереза, перестань! Прошу... — взмолился шериф. В отличие от жены, он прекрасно понимал, что этих ребят лучше не злить.

— А ты вообще молчи! — кричала она, поворачиваясь к супругу. Она заводилась все сильнее, забывая об опасности. — Видел бы ты себя! Полуголый, стоишь на коленях в собственном доме и пресмыкаешься перед кучкой уголовников. Ты сам себе не противен? Где тот мужчина, за которого я выходила замуж? Я...

Но она не договорила. Малкольм внезапно вскочил со стула, молниеносно преодолел те три метра, что отделяли его от Терезы, и отвесил ей пощечину. Удар был совсем не сильный, женщина покачнулась скорее от неожиданности. Такого от него, пожалуй, никто не ожидал. Девочка испуганно пискнула и юркнула за спину женщины. А та держалась за покрасневшую щеку и изумленно, с открытым ртом смотрела на обидчика. Немудрено, ведь этот наглец оказался первым за всю ее жизнь человеком, поднявшим на нее руку, за исключением родителей и мужа.

— Миссис Вилкоккс, Вы меня разочаровываете. Хорошая супруга должна быть кротка и покорна, она должна с уважением относиться к своему мужу и не прекословить ему. — Разглагольствовал он менторским тоном. В то же время казалось, что он немного оживился.
— Разве Вы не хотите, чтобы мистер Вилкоккс гордился Вами? Для Вас это должно быть самым большим счастьем. Вы со мной согласны? Хорошо. Я знал, что Вы здравомыслящая женщина. Значит, если Ваш муж скажет Вам подойти и присесть рядом с ним, Вы так и сделаете? Замечательно. Шериф... — обратился он, наконец, к Генри и вытянул руку в предлагающем жесте.

Тот немного растерялся, но быстро взял себя в руки. Было предельно ясно, чего от него хотят.
— Кхм... Тереза, милая, подойти ко мне и сядь рядом. — Он сказал это как можно более твердым голосом, не умоляющим, как до этого. В конце концов, у блюдоков прав: жена должна слушаться мужа.

Тереза, которую пощечина поразила до глубины души, была немного выбита из колеи. Но урок был усвоен. Помешкав секунду-другую, она направилась к мужу. Девочка, словно тень, последовала за ней.

— Погодите, юная мисс! Мы ведь даже еще не познакомились. Подойдите ко мне, — и Малкольм требовательно протянул руку.

Реакция последовала незамедлительно. Тереза ухватила девочку и прижала к себе, явно не намереваясь никуда ее отпускать. «Вы так ничего и не поняли, миссис», подумал головорез. Но зато Генри вроде как уяснил правило игры. Он повышенным тоном велел жене делать то, что ей говорят. Теперь, когда все в комнате явно против нее, Тереза сдалась. «Клюнув» девочку в щеку напоследок, она улыбнулась ей, а затем присоединилась к мужу в его коленопреклоненной позе.

Было прекрасно видно, что девочка перепугана. И было с чего: теперь этот ужасный человек обращается лично к ней и требует подойти. А вдруг он и ее ударит, если она так и будет стоять? Подавив слезы, девочка робко подошла к Малкольму и протянула свою маленькую ручку. Тогда он взял ее и галантно поцеловал, чем немало удивил Вилкоксов и несколько — своих напарников. Что поразило их еще больше, так это улыбка, расплывшаяся на его лице. Тут уместно будет сказать, что он ее «нацепил», так как она была совершенно чужда его лицу и не внушала никакого доверия.

— Как Вас зовут, юная мисс?

— М-миранда, — запинаясь, ответила девочка. — Миранда Вилкоккс.

— Миранда... Прекрасное имя для прекрасной леди. Прошу, садитесь, — и он указал ей на стул, с которого еще не сошло тепло его собственной задницы.

Девочка послушно села и уставилась на сложенные на коленях руки. Но Малкольм за подбородок приподнял ее лицо, чтобы она смотрела на него. Теперь он сидел на корточках прямо перед ней. А взгляды несчастной четы буквально сверлили ему спину.

— Миранда, Вы дочь мистера и миссис Вилкоккс, я правильно понимаю? — Кивок. — Отец, мать и дочь. Маленькая счастливая семья, все члены которой любят друг друга в счастье и в горести, я прав? — Опять кивок. Не оборачиваясь, Малкольм спросил: — Шериф, Вы больше ничего не вспомнили?

— Иисусе! Я ведь уже сказал: я... — после небольшой паузы начал было Генри. Его голос был пропитан отчаяньем.

— Тише, мистер Вилкоккс. Все в порядке. Я понимаю. Людям свойственно забывать некоторые вещи. Но... — Тут Малкольм поднялся и, обойдя стул, оказался за спиной девочки. Когда его руки легли ей на плечи, она вскрикнула и зажмурила глаза в страхе. Раздавшийся следом голос бандита оказался совсем близко к ее уху. Чего уж говорить, Тереза и Генри с трудом сдерживали себя в рамках правил этой гнусной «игры». — ... мы с Мирандой сможем Вам помочь. Правда, Миранда? Вы ведь хотите помочь своему отцу?

— Д-да...

— Хорошо. Замечательно. Но перед этим я хотел бы еще кое-что для себя прояснить. Вы ведь наверняка ходите в школу? Конечно, ведь Ваши родители любят Вас, разве могли они не озаботиться Вашими знаниями? Значит, Вы должны знать историю. Так вот... Что случилось в начале второй половины XIX века на территории США? Что-то, что коснулось каждого в этой стране? Что-то, что оставило ужасный отпечаток на этой земле? Что это, Миранда?

— Н-наверное, Гражданская в-война... — пробормотала девочка неуверенно.

— Верно, Миранда. Вы умница. А вот второй вопрос, обдумайте его очень хорошо. Как звали президента, сражавшегося против деспотии и несправедливости?

Вдруг Генри заметно занервничал. Всем законникам было известно о политических убеждениях Фурнье. Вопрос, заданный им, был с подвохом. К сожалению, Миранда ни о чем подобном знать не могла. И вместо «Дэвис Джефферсон» тоном, сомневающимся в правильности ответа из-за его «очевидности», сказала:

— М-м... Авраам Линкольн?

Вздых. Чтобы подтвердить опасения Генри, большего и не требовалось.

— Вы разочаровываете меня, Миранда. Думаю, мне придется Вас переучивать. И нет лучшего пути для усвоения знаний... чем порка.

Внезапно Малкольм схватил девочку и быстро, но аккуратно повалил ее животом на пол. Тут

уже родители не выдержали. Тереза завизжала как безумная и вскочила с места, Генри за ней. Но бандиты среагировали быстро, и теперь пленники отчаянно бились в их руках. Малкольм словно не замечал этого. спотыкающаяся, обливающаяся потом и облизывающая пересохшие губы Джейн, чьи руки, к слову, были стянуты в локтях за спиной ремнем, услужливо предоставленным едва не удушенным Ноем, и Барри (им оказался второй из ловкачей, тот, что угрожал ей пушкой), едущий позади нее, аки конвоир, коим он, в сущности, и являлся. По положению солнца Джейн прикинула, что было часа три пополудни, а значит, жара спадет еще не скоро. Но что самое главное, если она не подсуется, вечерней прохлады ей уже не видать. — «Мистер»? Ха, ну пусть будет «мистер». Да, выглядишь не очень. Лады, подойди сюда, — проскрипел Барри с кошмарным южным акцентом и остановил коня.

Джейн подошла. Сначала нужно было утолить жажду, потом можно начать раздумывать о спасении своей задницы. Так как руками она воспользоваться не могла, оставался один способ, не новый для нее. Барри открыл флягу и, свесившись, поднес горлышко к ее рту. Джейн стала жадно поглощать живительную влагу. Но эта щедрая душа наклонила посудину слишком сильно, и хорошая порция воды пролилась женщине на ночную рубашку. Ткань моментально промокла и облепила тело, и ее грудь теперь была отчетливо видна. Джейн успела заметить, как изменился в лице ее спутник, как немного сбилось его дыхание. Не похоже было, что он сделал это специально. Впрочем, ее это не волновало. Она напилась и освежилась. А просвечивающаяся одежда... Это вполне могло сыграть ей на руку.

В течение всей «прогулки» Джейн старалась играть роль слабой и глупой женщины. Она понимала, что ее поведение в доме шерифа шло немного вразрез с текущим образом, а за приступ неконтролируемого смеха и вовсе хотела дать себе по лицу. Но ей повезло. Барри был, видимо, не обременен умом, и не заметил в резкой перемене характера ничего странного. И уж точно никак не мог видеть оскал, в котором растягивались потрескавшиеся женские губы. «Я не могу пока пользоваться руками. Но ничто не мешает мне морочить голову».

В какой-то момент, посреди великого нигде, Барри остановил скакуна. Джейн обернулась. На нее смотрело дуло ушатанного шестизарядника.

— Приехали, пупсик. Что ж, приятно было пообщаться, но мне уже пора, — и с этими словами он клацнул взводимым курком. И... В принципе, то, что, произошло дальше, было вполне предсказуемо.

Время «Ч» пришло. Джейн упала на колени и зарыдала. Она боялась, что плакать через силу у нее не получится, но теперь хныкала, как младенец. Из-за слез глаза казались еще больше, от их «щенячьего» взгляда скребло на душе. Перед всадником находилось хрупкое несчастное создание, не выдержавшее всех этих ужасов. И в то же время это была фальшивка, замечательно разыгранное представление, рассчитанное надавить на жалость. И, судя по тому, что она еще дышала, старания возымели плоды.

— Не у-убивайте меня, м-мистер! У-у-умоляю! Не убивайте! Я просто слабая и беспомощная женщина! Я ни-никому ничего не сделала! П-пощадите! Я жить хочу! — запричитала Джейн, заикаясь и шморгая носом. Она действительно выглядела жалко.

В глазах Барри отразилось сомнение. Слова женщины определенно задели его за живое. Теперь у него в душе бушевали противоречивые чувства.

— Срань господня! Ну Вы и концерт выдали, дамочка! И что мне теперь с тобой делать? — без какого-либо задора произнес он. Джейн продолжала жалобно смотреть на него. Вдохнув, он

продолжил: — Я ведь не могу тебя просто так отпустить. Если Малкольм узнает... Черт, даже не знаю, что он может сделать. Ничего личного...

— А может быть... — начала Джейн, но осеклась. Она все еще играла.

— Может быть, «что»?

— М-может быть... Я... Я сделаю Вам приятно... Ну, знаете... ртом... — Последнее слово она сказала совсем тихо, опустила глаза и напустила на щеки румянец. Она была в восторге от самой себя.

Что же, сказать, что это предложение заинтересовало головореза, — значило не сказать ничего. Бабенка приглянулась ему с самого начала. Сравнить ее с салунными шлюхами, которыми приходилось обычно довольствоваться, было греху подобно. В целом милое лицо, кажется, было немного побитым, наверняка, какое-нибудь пьяное мужичье в Хейстак Вилледже сорвало на ней злость. Ночнушка еще не успела высохнуть, и сквозь нее прекрасно просматривалась небольшая, но красивая грудь с острыми сосков. А сама коленопреклоненная поза вызывала стеснение в штанах. Поэтому винить его за то, что он проглотил наживку и надумал послушаться главаря, было сложно.

— Черт... Разве можно отказаться от такого предложения? — после этого он убрал оружие и, спешившись, направился к словно воспрявшей духом Джейн. — Лады, красавица, если постарайшься на славу, от моей руки ты не пострадаешь.

— Спасибо, мистер, спасибо! Я буду стараться! — лепетала Джейн, сияя радостными глазами... и с трудом пытаюсь не засмеяться. — Эм... Мистер... Я не могу... без рук... Не могли бы Вы... расстегнуть штаны?

Тут до Барри дошло, что бедняжка не может добраться до его дружка, ведь связанных рук никто не отменял. И ведь попросила не развязать ее, а лишь помочь ей... Сначала ему пришла в голову идея заставить ее стянуть с него штаны зубами, но сразу была отброшена. Он не считал себя извергом и не собирался издеваться над «несчастной» женщиной сверх меры. Без лишних слов он приспустил штаны и предоставил ей на обозрение дурно пахнущий член, уже готовый к бою.

Удивленно похлопав ресницами и изобразив смущение, Джейн медленно приблизила лицо и впустила трепещущую плоть в свой укромный ротик. Услышав, как Барри при этом сделал шумный вдох сквозь стиснутые зубы, она не удивилась: во рту у нее было на редкость сухо. «Взять на заметку: пустыня — последнее место, где следует делать отсос», подумала она, одновременно с минетом принуждая железы выделить всю слюну, что только можно. И результат не заставил себя долго ждать: вся длина ствола, по которой Джейн водила губами и язычком, увлажнилась, и мужчина начал издавать тяжелые вздохи удовольствия. Джейн так увлеклась, что сперва даже забыла, что ей нужно думать совсем о другом.

С одной стороны, вероятность того, что Барри сдержит слово и отпустит ее, не так уж и низка. Он понасаживает ее голову на свой кол, спустит ей в рот, развяжет (возможно) и ускачет восвояси, а она (возможно) добредет до Хейстак Вилледжа. Изможденная, в грязной и потной ночной рубашке и ковбойских сапогах, со следами насилия на теле. С ее репутацией в городе, разве можно желать большего? Вот только было два «но». Первое: она не собиралась полагаться на честное слово головореза. И второе, куда более важное: вся их банда, заимев себе в недруги Джейн МакЭвой, подписала себе смертный приговор.

Поэтому, чтобы иметь больше времени для обдумывания плана, женщина намеренно медлила, тормозила процесс. Пока он не кончит, она вне опасности. К счастью, Барри,

видимо, никуда не спешил и не подгонял ее. А Джейн сосала и думала, думала и сосала... Думать над проблемой вроде ее и вместе с этим, причмокивая, ублажать ртом немый член — та еще задачка. С каждым тычком головки в горло она чувствовала, что оргазм мужчины все ближе и ближе, а идей по-прежнему никаких. Все бы так и кончилось, если бы Барри не запрокинул ее голову, заставив смотреть вверх.

Тут все ясно, он хотел, чтобы она смотрела ему в глаза, многим такое нравится. Но ее взгляд скользнул мимо его головы, в бескрайнее синее небо без единого облачка, и приковался к маленькому птичьему силуэту, рассекающему его просторы. Любой другой человек не разобрал бы ничего, кроме того факта, что это птица. Но зрение Джейн, как и прочие чувства, было превосходным. И когда она опознала птицу, ее сердце забилось чаще от волнения. Это был сапсан.

«А вот и выход из сложившейся ситуации», невесело подумала она... и вдруг, выпустив член изо рта, сгорбилась, почти касаясь лбом земли.

— Эй! Ты чего? Чаво остановилась? Эй! Ты слышишь? Я тебя спрашиваю! Что за фокусы? — кричал недовольный Барри. Он был в паре шагов от того, чтобы кончить (он еще не решил, куда), и теперь его позабытый член болтался, как вздернутый в поле негр. Естественно, он был недоволен. — Ты че, оглохла?! А ну, поднимайся! С этими словами он за волосы поднял ее голову... и замер. С этой женщиной происходило что-то... странное. Еще несколько секунд назад она старательно вылизывала его хозяйство в обмен на свою жизнь, а теперь... Глаза закатились, оставив мутные белки. По подбородку тянулся ручеек слюны и, срываясь, капал ей на грудь. Из носа, оставляя кровавые шлейфы, медленно стекали две крупные капли. Она была словно в трансе, не реагируя ни на крики, ни на тряску, ни на шлепки по щекам. В итоге он пришел к самому «разумному» решению: сделать то, что ему и говорили.

— Я не знаю, что за хрень с тобой творится, но я могу положить конец твоим страданиям, — сказал он, доставая револьвер и взводя курок.

У него не было ни шанса заметить стремительно приближающуюся тень...

Сапсан издал раздосадованный клекот. Он уже довольно долго парил в небе в поисках добычи, и вот она нашлась. Упитанная луговая собачка, замечательное лакомство. Стоит только дотянуться... Но совсем рядом находились два человеческих существа. Самые медленные, но в то же время самые опасные хищники на планете, с маниакальной увлеченностью уничтожающие друг друга. Вот и сейчас самка поела самца заживо, а он не препятствовал. Возможно, она впрыснула ему нейротоксин. Этот вид определенно болен, и его ждет скорое вымирание. Но, тем не менее, сапсан, как и его собратья, как и почти все другие звери, предпочитали держаться подальше от двуногих зверей. Так что обед придется поискать где-нибудь в другом месте.

Внезапно яркое свечение привлекло внимание птицы. Это сияла самка. Этот свет был очень яркий, от него буквально болели маленькие темно-карие глаза-бусинки, но по какой-то причине отвести от него взгляд не получалось. Сапсан никогда не видел ничего подобного. Человеческие существа не должны так сиять. Как будто птице было мало потрясений, по телу стала разливаться какая-то вялость, словно ей самой впрыснули нейротоксин. Сперва хищник запаниковал, но эта вялость быстро переросла в приятную истому, не мешающую лететь. Это было в высшей степени странно. Но куда страннее было ментальное состояние сапсана. Его мысли стали путаться, наваливаться одна на другую, вовсе пропадать. И одна новая мысль появилась так неожиданно, словно была подкинута кем-то извне. Ее как будто забивали в

голову. Идея переросла в убеждение, убеждение — в намерение. А смысл заключался в следующем: двуногий зверь-самец — невероятно привлекательная добыча.

— Эй! Ты чего-его? Чаво остановилась-илась? Эй? Ты слышишь-ышишь? Я тебя спрашиваю-ашиваю? Что за фокусы-кусы? Ты че, оглохла-охла?! А ну, поднимайся-айся! Самец начал издавать характерные для его вида звуки. Если поражение нейротоксином и было, то его эффект уже прошел. Но сапсана это не пугало. Он был охотником, а двуногий зверь — добычей, и после того свечения появилось необъяснимое чувство превосходства над их видом. Поэтому, сделав круг над человеческими существами, подобрав лучшую позицию (что странно — обычно он этим не заморачивался), сапсан сложил крылья и...

— А-аа-а-а!!!

Истошный крик боли, наверное, было слышно за километр. Птице потребовалось всего секунда, чтобы стрелой разрезать небо и наброситься на ничего не подозревающего Барри и повалить его на землю. Мощные когтистые лапы глубоко впивались в грудь, отчего ткань рубашки мгновенно окрасилась в багровый цвет. Крыльями хищник бил по глазам жертвы, еще больше дезориентируя, а его загнутый клюв оставлял рваные раны по всему лицу. Мужчина мучительно вопил и пытался сбить птицу, но его попытки были тщетны. Сапсан не отпускал свою добычу.

Джейн же потребовалось несколько секунд, чтобы прийти в себя. Процесс, как всегда, был ужасен, ей казалось, что ее выворачивает наизнанку. Но она задвинула боль на задний план. Нельзя было мешкать. Она вскочила на ноги и еле на них удержалась, так ее мутило. С трудом сфокусировав зрение, она увидела перед собой крайне нелицеприятную картину. Хищная птица терзала человека, хотя могла убить в первый же момент. «Все просто. Эта честь предоставляется мне», подумала Джейн. Тут она заметила, что в руке у бандита до сих пор находился револьвер. Он еще не выстрелил, но может сделать это в любой момент. Нужно было действовать немедленно.

И тогда Джейн сорвалась с места. Сапсан сразу же улетел. Его мозги уже прояснились, а небольшая паника — лишь побочный эффект. Рука с шестизарядником стала вздыматься в сторону женщины. Но ловкий удар ноги отбросил оружие за пределы досягаемости. На раздумье, что делать дальше, ушла какая-то доля секунды. Стоя над мужчиной, Джейн высоко вскинула ногу, как танцовщица канкана. Такого ночная рубашка не выдержала и разошлась по шву до самой талии. Если бы у Барри еще оставались глаза, он бы мог напоследок увидеть самую сокровенную часть женского тела. Но его время подошло к концу. Нога Джейн, задранная выше головы, с силой опустилась вниз, и шпора с отрывистым тошнотворным звуком вошла в шею мужчины. Он умер мгновенно.

Больше женщина держаться не могла. Ее начало шатать, и она повалилась на землю. Очередной спазм в желудке заставил ее перевернуться на бок, и тотчас на сухую почву хлынула алая от крови рвота. И... все. Уронив голову на землю, она закрыла глаза. Боль отступала. Скоро ее самочувствие вернется в норму, а может быть, и улучшится.

— Тьфу!... Эта штука когда-нибудь меня точно убьет, — пробормотала она, улыбаясь, хотя смешно ей не было.

«Итак... Я жива. Но что мне теперь делать? Ехать в город и рассказать обо всем? Или сделать все самой? Хотя...». Она резко села. Обаятельная улыбка маньяка-психопата и сумасшедший блеск в глазах украшали ее лицо. «Разве тут нужно вообще над чем-то думать?».

* * *

— Готово... Ну вот, разве это было так сложно, шериф? — поинтересовался Малкольм, пряча пачку бумаг во внутренний карман пиджака.

— Нет... — буркнул тот в ответ, чувствуя, что должен сказать хоть что-нибудь.

Было нанесено несколько меток на карту, пара листов бумаги была исписана разного рода заметками, ориентирами, советами и прочим. Все это должно было помочь найти Хоакина Мендосу, чего ватажок бандитов так страстно желал. На все это конспектирование ушло всего с десяток минут, так что, технически, в этом действительно не было ничего сложного.

В воздухе чувствовалась атмосфера облегчения. Вторженцы получили то, за чем пришли. Тереза сидела на полу и успокаивающе гладила по голове прильнувшую к ее груди дочку. Она мало понимала, чем заняты ее муж и Малкольм, но для нее главным было то, что все должно скоро закончиться, и их оставят в покое.

— Однако же, шериф, предупреждаю Вас: если информация в этих записях не соответствует истине, держать ответ за это будет Ваша семья, — вкрадчиво пояснял Малкольм, убирая на место стул, который использовался в качестве парты. Затем обернулся и пристально посмотрел в глаза Генри. — Поэтому спрошу один раз: Вы уверены в том, что написали?

— Уверен, — твердо заявил тот.

Ну, не признаваться же ему сразу в том, что все, что он тут настроил, — фальшивка, от начала и до конца? «Ведь я действительно не знаю, где искать Верзилу, сукин ты сын!». Пришлось придумывать все на ходу, лишь бы Миранде не причинили вреда. И если в будущем он вернется... Но этого не произойдет, нет. Генри упрячет Терезу с дочкой в надежном месте, соберет собственную маленькую армию и...

— Бесконечно рад это слышать. Что ж, приятно было с Вами сотрудничать... шериф. — После этих слов Малкольм пустил пулю прямо в грудь собеседнику.

Мистер Генри Вилкокс, шериф Хейстак Вилледжа, любящий отец, не очень верный муж, но в целом не самый плохой человек, умер. Без картинных сотрясений, безжизненно распластавшись на полу.

Тишина, наступившая после выстрела, казалось, была оглушительней самого выстрела. Сложно сказать, но, кажется, такого поворота событий не ожидали даже бандиты. Что уж тогда говорить о несчастных Терезе и Миранде? Женщину словно парализовало, она смотрела на тело, из-под которого вытекала лужа крови, глазами размером с блюда, и дрожала. Как же так? Почему? Ведь они делали все, что от них хотели. Почему? — Г-генри? Генри?! — Тереза оставила испуганную и растерянную девочку и подползла к мертвому мужу. Она трясла его, звала, кричала, срывая голос, давилась слезами, не замечая, как подол платья пропитывается алой жидкостью. Убитая горем вдова, она являла собой печальное зрелище. — Генри!!!

— Черт... Мал, тебе не кажется, что это был перебор?

— Потом, господа, все потом, — перебил товарищей Малкольм, дозаряжая револьвер. — Идите на улицу и ждите меня там. Когда вернется Барри, дадите мне знать. А мне... нужно утешить несчастную вдову.

Никто и не думал спорить. Спустя несколько секунд в комнате находились лишь Малкольм Фурнье, Миранда и Тереза, положившая себе на колени голову Генри. Ее собственная голова была склонена, и на грудь падали крупные слезы. Атмосфера облегчения, витавшая здесь еще пару минут назад, сменилась атмосферой печали и скорби. Естественно, это не касалось главаря бандитов. Он стал подходить к женщине.

— Примите мои соболезнования, миссис Вилкокс. Я понимаю, как Вам сейчас тяжело, но... Вдруг Тереза вскочила и с кулаками кинулась на убийцу.

— Ублюдок! Мерзавец! Будь ты проклят! Ты... — закричала она. Но звонкая пощечина, куда сильнее прошлой, заставила ее умолкнуть и упасть на пол. И тогда она просто зарыдала от бессилия.

Присев, Малкольм повернул ее лицом к себе. Ему пришлось сдавить ей плечо, чтобы добиться от нее реакции.

— Но... — продолжил он, как будто и не было никакой паузы. — Прежде чем я уйду... Мы узнаем друг друга поближе. Нравится Вам это или нет.

Тереза ошарашено уставилась на головореза. Даже плакать перестала. Это было просто невероятно...

— Напугал мою дочь, убил моего мужа, а теперь еще и решил меня изнасиловать? Ты не человек... — Ее голос был тихим и каким-то отрешенным, словно и не о ней говорили.

— О, нет, вовсе не изнасиловать. Мы займемся любовью. Бурной и искренней. Так, чтобы я не мог усомниться в Вашей страсти. Ведь в противном случае... — Его задумчивый взгляд переместился на забившуюся в угол девочку, и Тереза обомлела. — ... все, что я не получу от Вас, я получу от мисс Миранды. Вы понимаете меня?

Ей не требовалось много времени на раздумья. Если быть точным, вообще не требовалось. Она ненавидела этого (не) человека всеми фибрами души и не желала ему ничего, кроме скорейшей смерти. Но он знал, на какой рычаг нужно давить. Господи, неужели они будут делать это в метрах от ее почившего супруга? Что хуже всего, она не была уверена, что Миранду на самом деле не тронут, не была уверена, что они вообще переживут этот день, но она все равно сделает все, что потребуется. Поэтому...

— Я... Я понимаю. Прошу, не причиняйте Миранде вреда. Делайте со мной, что хотите.

— Замечательно. Но почему без энтузиазма? Я должен поверить в Вашу искренность. Изобразить искренность. Учитывая обстоятельства, двенадцать испытаний Геракла в сравнении с этим — просто детская забава. Но, собрав все свои физические и душевные силы, Тереза выдавила вполне приличную обольстительную улыбку.

— Мой господин, я вся Ваша.

— Вот так гораздо лучше, — похвалил Малкольм, утирая с ее лица слезинку. Потом его рука сместилась вниз, на вырез на груди. — Ваше платье необратимо испорчено. Так что ничего страшного, если я...

И с этими словами он с треском разорвал на груди богатое одеяние.

* * *

— Ной! Эй, Ной! Ты куда запропастился? Но... А, вот ты где! Что ты тут делаешь?

— Ссу я, если ты вдруг не заметил.

— О, и правда. Я, пожалуй, тоже отолю. Пристроюсь-ка тут рядышком.

—...

Ребята из банды Малкольма, из «Великолепной семерки», как прозвала их Джейн, уже некоторое время прохлаждались (если это слово вообще уместно при такой жаре) во дворе шерифского дома. Делать было решительно нечего. Барри все не возвращался. Куда этого дурака могло занести? Ной, почувствовав необходимость сходить до ветру, зашел за небольшой сарайчик, который стоял в некотором отдалении. В нем хранились всякие садовые принадлежности, очевидно, предназначенные для маленького уютного садика позади дома.

Но насладиться уединением ему не удалось — Уэйд нашел его. Здоровенный, но туповатый парень. Как только Малкольм его терпел, для Ноя оставалось загадкой. А теперь он стоит впритирку и, насвистывая, выводит узоры на деревянной стенке сарая. Как мило.

— Ной, у тебя табачку не будет? Да ладно тебе, не жмоться! О, спасибо! — Уэйд закурил, сделал затяжку. — А сам-то не будешь?

— У меня еще горло болит. Не хочу.

— Ааа, из-за того, что шериф тебя чуть не придушил?

— Ты сама проницательность. Ублюдок чуть меня не прикончил. Но... По мне, Мал хватил лишку. Да и это может нам потом боком выйти. Аа, забей... — махнул рукой Ной, видя непонимающее лицо собеседника. — Осталось только дожидаться, пока он там накувыркается с вдовой шерифа, и валить отсюда. Что? Только не говори мне, что не понял, как Мал собрался ее «утешать»? Эх...

На какое-то время повисло молчание. Уэйд курил самокрутку, а Ной задумчиво смотрел в яркое небо. Такое спокойствие было ему по душе. Даже две лужи с характерным запахом его не смущали. Главное — это тиши...

— Я, знаешь, о чем думаю? — брякнул Уэйд, разрушая эту хрупкую идиллию.

— Удиви меня.

— Помнишь тот салун в Луизиане, в котором мы отдыхали с полгода назад?

— Это тот, где ты, надравшись, решил продемонстрировать всем свой фантастический навык владения пушкой и прострелил себе ногу?

— Тот самый. Так вот... До того, как напиться, я посидел в компашке местных, послушал, о чем они толкуют. И кто-то рассказывал про какую-то рыжую женщину-«охотника», которая валит преступников налево и направо. По его словам, она прям ходячий кошмар какой-то.

— Ага. А Иисус Христос умер за наши грехи. Такой большой, а в сказки веришь. Ты это вспомнил из-за той бабы, которую Барри увез? Ха! Если это твоя фурия, то видок у нее не больно-то грозный.

— Да я не... Че сразу «в сказки веришь»? Просто рыжих женщин не так много видел, вот и пришло в голову... О, смотри, то не Барри часом?

Ной проследил за взглядом Уэйда и прищурился. В приближающейся фигуре всадника действительно угадывался их друг и напарник Барри. Значит, нужно пойти оповестить Малкольма. И они уже хотели решить, кто пойдет это делать, как вдруг всадник, успев подъехать достаточно близко, вывалился из седла.

— Че за... Барри!

Ной и Уэйд сорвались с места и помчались к медленно встающему с земли товарищу. Но за несколько метров они остановились как вкопанные. Барри все-таки сумел встать, и тогда стала видна его изорванная и окровавленная рубашка. Что могло с ним произойти?

Возможно, на него напали дикие звери? Это объяснило бы то, почему его одежда в крови, а сам он, пошатываясь, еле ковыляет. В таком случае...

— Держись, Барри! Сейчас! Я помогу тебе! — воскликнул Уэйд, бросаясь к раненому другу.

Когда он добежал до Барри, тот остушился и начал падать вперед, но Уэйд его подхватил. Так все выглядело в глазах Ноя. Истинная суть этих обнимашек открылась, когда оба мужчины повалились на землю, и Барри оказался сверху Уэйда. Это было так неожиданно, что Ною потребовалась секунда-другая, чтобы заметить рукоятку ножа, торчащую прямо из сердца

здоровяка. Он лежал без движения, а по груди начинало быстро расплываться кровавое пятно.

— Б-барри? Ты что наделал? — едва выдавил из себя шокированный Ной.

Барри все еще сидел верхом на Уэйде, его лица не было видно за полями шляпы. И тут... Ной, вероятно, открыл для себя, что такое суеверный страх. Из-под шляпы выбилась и закачалась на сухом горячем ветру одинокая рыжая прядь волос. «Этого не может быть... Это не... Это не она.